

РЕЦЕНЗИИ

С.А. Татуниц, К. Берндт*

ЕВРОПА В XX ВЕКЕ — НЕМЕЦКИЙ ВЗГЛЯД

Размышления над книгой Г. Шмидта «Наш век»**

Эссе посвящено выходу в свет сборника бесед одного из «патриархов» немецкой политики, канцлера ФРГ в 1974—1982 гг. Г. Шмидта с профессором Ф. Стерном. Авторы эссе раскрывают специфику жанра книги, приводят наиболее интересные выдержки из беседы и дают развернутые комментарии к ним. Выдержки сгруппированы вокруг следующих тем: уроки исторического опыта Германии 30—40-х гг. XX в.; политические и нравственные уроки объединения Германии; роли Европы, США, России и Китая в многополярном мире; глобализация мира и его трансформация в информационный век; европейская интеграция и кризис социальных систем в Европе. «Размышления» завершаются сравнительным анализом достоинств и недостатков книги и оценкой ее значения для политологической науки.

Ключевые слова: Г. Шмидт, Ф. Стерн, Вторая мировая война, «холодная война», объединение Германии, глобализация, информационный век, европейская интеграция.

The authors of the review essay share their impression of the recently published book «Our Century» which contains the transcripts of conversations between Helmut Schmidt, a Chancellor of the FRG in 1974—1982, and Fritz Stern, professor emeritus of history. They identify the particularities of the book genre, quote the most interesting excerpts from the conversation and provide detailed commentaries about them. The excerpts are organized around the following topics: lessons from the German experience of the 1930—1940s; political and moral lessons from German reunification; the roles of the EU, the U.S, Russia, and China in the multipolar world; globalization and the transformation of the world in the Information Era; European integration and the crisis of social systems in Europe. The «reflections» end with a description of the main merits and drawbacks of the book and an assessment of its value for Political Studies.

Keywords: H. Schmidt, F. Stern, World War II, Cold War, German reunification, globalization, Information Era, European integration.

* Татуниц Светлана Ахундовна — д.с.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: statunts[at]mail.ru); Берндт Катарина — к.ф.н., заведующая кафедрой русского языка Дюссельдорфской Высшей народной школы, Дюссельдорф, ФРГ (e-mail: katharina.berndt[at]duesseldorf.de).

** Schmidt H., Stern F. Unser Jahrhundert. Ein Gespräch. München: C.H. Beck, 2010. 287 S.

Выход в свет новой книги одного из «патриархов» немецкой политики Гельмута Шмидта стал ярким событием интеллектуальной жизни Германии. Г. Шмидт, канцлер ФРГ в 1974—1982 г., принадлежит к тем политическим деятелям современности, которые во многом определяли политическое лицо Европы и мира. Будучи канцлером, он в 1975 г. активно участвовал в подготовке Заключительного акта Хельсинкской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, с которой началась новая история идеологически разделенного континента. В том же году Г. Шмидт стоял у истоков «группы пяти» — ежегодного форума индустриально развитых стран мира, превратившегося затем в «большую восьмерку». В 1986 г. доктор Г. Шмидт, который до своего избрания канцлером работал в правительстве В. Брандта министром экономики и финансов, вместе с Жискар д'Эстеном стал инициатором создания Европейского Центробанка и введения единой европейской валюты — евро. Все это институты, без которых сегодня невозможно представить жизнь современной Европы.

Закончив в 1982 г. свою активную политическую карьеру, Г. Шмидт стал издателем «Die Zeit» — наиболее влиятельной интеллектуальной газеты Германии. Он до сих пор остается одним из самых читаемых и авторитетных в ФРГ мыслителей и исследователей международных отношений, к мнению которого прислушиваются не только в Германии, но и во всем мире. Книги бывшего канцлера — «Стратегия для Запада» (1986) [3], «На благо Германии: пути выхода из кризиса» [2], «В поисках общественной морали» (1998) [5], «Самоутверждение Европы» (2000) [6], «По пути к немецкому единству» (2005) [8] и «В отставке» (2008) [9] (единственная книга, хоть отдаленно напоминающая жанр мемуаров политического деятеля) — всегда вызывали в немецком обществе широкий резонанс. Эти книги написаны человеком с огромной эрудицией, обширными знаниями истории, политики и экономики, а главное — человеком, уже не являющимся ангажированным политиком и чувствующим ответственность за свои слова и суждения только перед собственной совестью. Именно поэтому книги Г. Шмидта (в последние годы часто выпускаемые также в формате аудиокниги) пользуются огромной популярностью. Не менее активно в Германии обсуждались и его еженедельная рубрика «Разговор за сигаретой» на последней полосе «Die Zeit», и особенно его телевизионные выступления. Таким образом, Гельмут Шмидт благодаря глубине своего политического и человеческого суждения, своей аутентичности как политика и не вопреки, а именно благодаря своему преклонному возрасту (в декабре 2010 г. ему исполнилось 92 года) остается одним из тех, кто оказывает большое влияние на умы людей и мировую политику в целом.

Сразу после выхода в свет книги бесед с Фрицем Стерном «Наш век» восторженные читатели в Германии требовали немедленно сделать это произведение обязательным для чтения всем школьным учителям истории. Несомненно, эта книга привлечет к себе внимание всех, кто интересуется характером и направлениями современной международной жизни, ключевыми проблемами истории XX в. — Второй мировой войной, эпохой «холодной войны» и ее окончанием. Необычен и привлекателен формат книги. Это книга-беседа, книга-дискуссия, которая читается «на одном дыхании». Она построена в форме реальной трехдневной беседы. Разговаривают два знатока мировой политики весьма преклонного возраста. Они обращаются друг к другу, как это принято в родном Г. Шмидту Гамбурге, на «Вы», но по имени и по-пензионерски прерывают свои беседы какими-либо частными делами.

Один участник беседы — политик в отставке, другой — профессор истории. В книге кроме временного ориентира по дням нет каких-либо иных четких разделений, например тематических глав, потому что идет живой диалог на выбранные темы. Беседа, особенно у пожилых людей, иногда течет не по прямой, а по извилистым дорожкам человеческой памяти. Подобный живой жанр бывший канцлер Г. Шмидт ранее практиковал в своих многочисленных политических интервью, которые впоследствии были опубликованы в форме книг. Однако диалог с журналистом, задающим заранее обговоренные вопросы по определенной тематике (подобно телеинтервью), и живой разговор с коллегой, который по возрасту, опыту, образованности и эрудиции не уступает своему собеседнику, — ситуации совершенно разноплановые, что придает диалогу во втором случае новое качество и делает его еще более интересным для читателя.

Фриц Стерн, родившийся в 1926 г. в Бреслау, бежавший со своей немецко-еврейской семьей от нацистов в США и впоследствии ставший профессором Колумбийского университета, в этом диалоге является достойнейшим партнером-собеседником Г. Шмидта. Автор целого ряда крупных трудов по истории Германии и Европы [10—15], он часто подкрепляет позиции бывшего канцлера фактическим материалом или комментарием, но и возражает, если сам придерживается иной точки зрения или располагает другой информацией.

В таком естественном течении живой беседы с историческими экскурсами и этически-философскими размышлениями глубоко знающих и мудрых людей с богатейшим опытом политической и научной карьеры заключается вся притягательность представленной книги, которая читается не как научное произведение, посвященное истории XX в., а как живая беседа о том, что случилось

с европейским континентом в прошедшем столетии и что будет с Европой и глобализующимся миром в веке нынешнем.

Книгу отличает чрезвычайно высокая культура диалога между государственным политиком старшего поколения (elder statesman) и пожилым профессором истории (emeritus), что весьма привлекательно для читателя, который одновременно размышляет над рассматриваемыми темами, сравнивая представленные суждения со своей собственной позицией.

В книге затрагивается широкий круг вопросов, которые можно выделить в следующие крупные тематические блоки из истории и политического развития Европы и мира в XX в.:

- уроки исторического опыта Германии 30—40-х гг. XX в.;
- политические и нравственные уроки объединения Германии в 1990 г.;
- роли Европы, США, России и Китая в современном многополярном мире;
- глобализация мира и его трансформация в эпоху информационного века;
- европейская интеграция и кризис социальных систем в Европе.

Несмотря на то что в Германии сейчас чрезвычайно популярны исторические хроники о немецких беженцах с восточных территорий бывшего Третьего рейха в последние месяцы войны, пока, на наш взгляд, в публикациях и передачах, посвященных этой теме, редко уделяется внимание анализу сущности нацизма, глубинных причин его появления и падения. Для Г. Шмидта вопрос исторической вины немцев перед евреями является сугубо личным. Еще в детском возрасте он узнал от матери, что его отец был внебрачным сыном еврейского купца и немецкой официантки, т.е. он сам был на четверть евреем. При получении метрических свидетельств семья скрыла этот факт, чтобы подтвердить свое арийское происхождение, но юный Гельмут знал, что для нацистов он фактически «расово неполноценный». В «гитлерюгенде» Г. Шмидту, по его собственному признанию, сначала нравилось, пропаганда нацистов с ее «социалистическими» идеалами общности в какой-то мере его впечатляла. Именно поэтому его, как и целое поколение немцев — современников той эпохи, да и их потомков, волнуют вопросы, как немецкий народ мог поверить фюреру, почему он стал агрессором и напал на соседние страны, как допустил уничтожение миллионов людей в концлагерях.

«Мой вопрос таков: по какой все-таки глубинной причине антисемитизм в Германии мог вылиться в многомиллионный геноцид? Или, иначе говоря: насколько можно надеяться на то, что мы, немцы, в *будущем* сможем избежать опасности таких психо-

зов? Или еще по-другому: подвержена ли немецкая нация больше этому соблазну, чем другие нации, и если да, то почему это так? Вот эти три вопроса в принципе сливаются в один, но я не знаю никакого универсального ответа», — говорит Г. Шмидт (с. 51). Ф. Стерн саркастически отвечает, что многие нации подвергаются соблазну геноцида, в том числе американцы, но они не позволяют подобным идеям воплотиться в действие. При анализе причин успеха идеологии Гитлера в немецком обществе Г. Шмидт приводит в качестве одного из факторов экономическую политику национал-социалистов, которые за первые годы своей власти трудоустроили всю шестимиллионную армию немецких безработных. «В основном для подготовки будущей мировой войны, конечно, — добавляет Ф. Стерн. — И за счет баснословных государственных кредитов, которые давали еврейские банкиры. Я уверен, что Гитлер, национал-социализм и Холокост не были случайными и не были неизбежными. <...> Антисемитизм в Европе имел длительную предысторию. <...> Но я думаю, что нацисты после 30 января 1933 г. сами удивились, как легко им все сходило с рук. <...> Подумать только о сжигании десятков тысяч книг перед немецкими университетами! И это воспринимали молча!» (с. 73). Г. Шмидт пытается докопаться до истинных причин происшедшего: «Имевшие отношение к этому студенты были частью фанатичной и истеричной массы. Есть и другое частичное объяснение: традиция немцев — всегда и во всем слушаться государственной власти. <...> Но в конце концов это остается без объяснения. И отсутствие объяснения меня внутренне безумно мучает» (с. 74). В итоге, считает Г. Шмидт, именно злополучное законопослушание привело к тому, что тысячи немцев исполняли приказы по массовому уничтожению евреев в концлагерях.

Г. Шмидт допускает, что собственные инстинкты и личностные качества этих исполнителей тоже играли какую-то роль, но на первом месте были приказ и его исполнение. Ф. Стерн же совершенно справедливо упоминает тех порядочных немцев, которые продолжали ходить в гости к еврейской семье Стернов до самой их эмиграции, и датчан, спасших после немецкой оккупации в 1940 г. всех датских евреев.

Сегодня в дискуссиях о первом геноциде XX в., который турки совершили над армянами в Османской империи, тоже стали указывать на спасшихся в алавитских, курдских и турецких семьях армянских детей и женщин, но все-таки следует согласиться с Г. Шмидтом и Ф. Стерном, что спасают людей в этих случаях не вся нация (датская или какая-либо другая), а отдельные люди, сохранившие моральные устои и человечность (такие как, например, шведский дипломат Р. Валленберг, спасший жизни тысяч венгер-

ских евреев и сорвавший нацистский план уничтожения будапештского гетто). Ф. Стерн утверждает, что в Германии «всегда не хватало традиций протеста против государства, не было солидарности с политическими жертвами» (с. 80).

Интересны личные воспоминания Г. Шмидта о его офицерском опыте и о морали в гитлеровской армии в годы Второй мировой войны (в ранге обер-лейтенанта Г. Шмидт сначала участвовал в блокаде Ленинграда, а потом 3 года проработал в министерстве воздушных сил): «Простой солдат боялся попасть к русским в плен, он боялся тяжелых ранений. Это были его душевные тревоги, которые его мучили, а не вопрос, каков будет исход войны. Преобладающее большинство немцев знали, что мы проиграли Первую мировую войну. Были сомнения по поводу исхода этой Второй мировой войны. Но выполнение приказа не подвергалось сомнению. Также само собой подразумевалось, что там, где это возможно, нужно стараться приказы обходить», — вспоминает Г. Шмидт (с. 20, 21).

Для читателей представляют интерес и те детали, которые участники беседы рассказывают о первых годах после окончания Второй мировой войны, о том, как трудно приживались в Германии политики, вернувшиеся из эмиграции (например, Вилли Брандт¹, Бруно Крайский²), плохо представлявшие себе атмосферу в стране и не понимавшие, как немцы все прошедшие годы мирились с властью Гитлера. Г. Шмидт считает, что «в 1945 г., когда мы оказались перед лицом бездны, было несколько представителей старшего поколения, такие как Теодор Хойсс³, Конрад Аденауэр⁴ и Курт Шумахер⁵, у кого остались какие-то старые традиции. Они нам давали ощущение стабильности» (с. 141). Как считает Ф. Стерн, К. Аденауэр, Т. Хойсс и Л. Эрхард⁶ стали «хорошей комбинацией, хоть люди они совершенно разные, но для Германии было великим счастьем, что эти трое оказались на политической сцене мо-

¹ Вилли Брандт — председатель Социал-демократической партии Германии (СДПГ) с 1964 по 1987 г., в 1969—1974 гг. — канцлер Германии, лауреат Нобелевской премии мира (1971) за проводимую им «восточную политику».

² Бруно Крайский — австрийский государственный деятель, федеральный канцлер Австрии в 1970—1983 гг., позднее — почетный председатель Социалистического Интернационала.

³ Теодор Хойсс — первый бундеспрезидент ФРГ (1949—1959 гг.), до прихода к власти Гитлера восемь лет был депутатом немецкого рейхстага.

⁴ Конрад Аденауэр — первый канцлер ФРГ со дня ее основания в 1949 г., трижды переизбран на посту канцлера вплоть до отставки в 1963 г.

⁵ Курт Шумахер — председатель СДПГ в 1946—1952 гг. и лидер оппозиции в послевоенной Германии.

⁶ Людвиг Эрхард — министр экономики с 1949 по 1963 г., затем — второй канцлер ФРГ до 1966 г. и председатель партии ХДС, отец «экономического чуда» в Германии.

лодой Федеративной республики» (с. 151). Действительно, о таком положении в мире, которое занимает сегодня ФРГ, не мог мечтать никто из немцев в мае 1945 г.

Вообще Гельмут Шмидт и Фриц Стерн как очевидцы и непосредственные участники послевоенного развития Германии весьма интересно оценивают немецких политических деятелей. Например, баварского премьер-министра Франца Йозефа Штрауса оба собеседника знали лично и считают его не только харизматичным политиком с большим риторическим талантом, но и чрезвычайно образованным и компетентным человеком, несмотря на то что Г. Шмидт всю свою жизнь «служил» (по его собственному выражению) социал-демократии с достаточно левыми взглядами, а Ф. Штраус был крайне правым и консервативным председателем ХСС. Вместе с тем Гельмута Коля, ставшего канцлером ФРГ после Г. Шмидта, оба собеседника характеризуют как не очень образованного, но чрезвычайно амбициозного политического деятеля, считавшего, что политик должен быть лидером в своей стране, как политическим, так и моральным, и не подозревавшего о том, что сам он под эти критерии мало подходит (с. 154). С таким утверждением, однако, можно согласиться лишь отчасти, ведь когда перед Г. Колем открылся исторический шанс объединения Германии, он его умело использовал и стал настоящим духовным лидером страны, как «железный канцлер» О. Бисмарк, создавший национальное государство немцев. Конечно, обещанные «цветущие края» и через двадцать лет после воссоединения Германии в восточных землях ФРГ обнаруживаются с трудом, в финансовом плане объединение обошлось немцам намного дороже, чем кто-либо мог себе представить (подробнее об этом будет сказано далее), однако все это не умаляет тот факт, что Г. Колю хватило смелости не упустить выпавший шанс, который мог и не повториться в истории. Скорее всего, можно согласиться с бундеспрезидентом ФРГ 1984—1994 гг. Рихардом Вайцзеккером, который в одном из своих выступлений назвал Г. Коля просто очень «жадным до власти» (заметим, что этим качеством отличался и канцлер 1998—2005 гг. Герхард Шредер, про которого известна такая история: будучи еще молодым политиком, добившимся первых успехов в СДПГ, однажды ночью в Бонне он держался за чугунную ограду здания бундесканцлера и то ли в шутку, то ли всерьез кричал своим товарищам «Я хочу войти сюда!»).

Тема воссоединения Германии в 1990 г. занимает в беседе достаточно большое место. По мнению Г. Шмидта, не Г. Коль добился объединения (как до сих пор считают немцы), а М. Горбачев и Дж. Буш-старший, причем ключевую роль сыграл именно совет-

ский лидер, то ли в силу слабости своих позиций, то ли по незнанию. Бывший канцлер подчеркивает, что Запад не сдержал своих обещаний по сохранению существовавшего военного равновесия в Европе и не рассчитывал на быстрый распад Варшавского договора, который произошел через два года после объединения Германии. Ф. Стерн даже поддерживает существовавший тогда тезис, что Советский Союз уже в 1987 г. начал тяготиться ГДР и предпочел от нее избавиться, допустив ее воссоединение с ФРГ.

Заметим, что еще в 1972 г., в период советско-американского политического диалога (Л. Брежнев — Р. Никсон), советский генсек говорил о возможности объединения немецких государств. «Будь тогда во главе советского Политбюро на месте М. Горбачева какой-нибудь реакционный идиот, неизбежно пролилась бы кровь, — не между советскими гражданами, а между советскими войсками и поляками, эстонцами и т.д. Запад не предвидел развал Советского Союза, по крайней мере не считал такой сценарий очень вероятным», — утверждает Г. Шмидт (с. 169). Он характеризует М. Горбачева как чрезвычайно наивного в своем доверии к Западу политика, который к тому же был некомпетентным во всех вопросах экономического развития страны. Например, в личных беседах, вспоминает Г. Шмидт, эта неосведомленность М. Горбачева проявлялась довольно ярко. Когда бывший канцлер (по образованию финансист и экономист) убеждал его, что в Советском Союзе инфляцию нельзя побороть методом твердых государственных цен на товары и зарплаты, потому что это приведет к появлению черного рынка, а надо сократить денежную массу в стране, М. Горбачев ему ответил: «Господин Шмидт, такие цифры мы в Кремле еще никогда не обсуждали». «Он был человеком доброй воли, но не имел чутья для экономической реальности», — приходит к выводу Г. Шмидт (с. 171). Он упоминает и причину такого подхода советского лидера к данному вопросу: «Там ведь еще в царские времена регулировалось все! Со времен Ивана Грозного Россией всегда правили авторитарно, не было никогда ничего иного — никаких демократических традиций, если не считать нескольких западников...». И фантазирует: «Им бы в этот момент человека во главе [страны], как Петра Великого! Беспощадного к людям, но одновременно открытого для любого технического и экономического развития» (с. 172). Эта идея кажется нам весьма интересной, но вместе с тем — не бесспорной. Относительно же утверждения Шмидта об отсутствии демократического опыта в русской истории следует напомнить, что задолго до авторитарного Ивана IV на Руси существовала форма феодальной, боярской демократии — вечевой строй в северо-западных русских землях (Новгород, Псков). У историков нет единого мнения о сущности этого политического строя,

однако нельзя не признать его республиканский характер с выборными должностными лицами и вече — фактически высшим коллективным органом власти.

Г. Шмидт отмечает, что экономическая ситуация в СССР также сыграла значимую роль в рассматриваемом вопросе — объединении Германии. Известно, что конец ГДР наступил не только потому, что хонеккеровскому режиму становилось все труднее идеологически сопротивляться новым веяниям горбачевской гласности и перестройки, которые «бродили» по всей Восточной Европе с середины 1980-х гг. Важной причиной фактической «сдачи» ГДР была экономика страны, которая перестала получать от Советского Союза сырую нефть за существовавшие в СЭВ трансфертные рубли (т.е. за бесценок) и была вынуждена импортировать дешевые западные товары для своего населения. Образовавшаяся ценовая вилка привела к экономическому банкротству системы. В то время Э. Хонеккер еще серьезно гордился тем, что ГДР находится среди всех промышленных государств в мире на седьмом месте.

О руководителе ГДР Э. Хонеккере Г. Шмидт говорит: «Иногда мне прямо было жалко его <...>, потому что он полностью заблуждался по поводу экономической ситуации своей страны и потому что во всех своих решениях он зависел от Москвы» (с. 183). Экономическую ситуацию в ГДР Г. Шмидт изучал еще в 1959 г. в рамках аналитической комиссии под руководством лидера СДПГ Герберта Венера. Целью этой комиссии было выяснить, какие шаги необходимо будет предпринимать в экономической сфере, когда объединение двух Германий станет политически возможным. «В 1959 г. экономическая сила ФРГ и ГДР имела соотношение 5:3, а к 1989 г. это соотношение было, наверное, 10:3», — вспоминает Г. Шмидт (с. 184). Результаты работы комиссии в 1989 г. были готовы, но правительство Г. Коля ими не воспользовалось и впоследствии допустило ряд ошибок, самая кардинальная из которых — установление обменного курса марки ГДР к марке ФРГ 1:1, ведь при разнице в экономической мощи двух стран и переходе всех зарплат и цен в новую валюту вся продукция ГДР подорожала в одночасье так, что ее никто не хотел покупать. «За новый автомобиль Trabant надо было заплатить уже не 10 тысяч восточных марок, а 10 тысяч западных марок. Таких денег эта машина не стоила! <...> В результате это производство было закрыто, как и многие другие» (с. 185). Собеседники справедливо отмечают, что правительство ФРГ, наверное, не только недопонимало эти экономические закономерности, но и занималось популизмом, ведь народ ГДР был доволен таким обменом денег, видя лишь сиюминутную выгоду, и голосовал на выборах за Г. Коля.

Вторая ошибка, совершенная при объединении Германии (и тут мы полностью согласимся с авторами книги), состояла в том, что вся западная юридическая система была в одночасье введена в восточных землях. Поскольку руководители, юристы, чиновники существовавших в ГДР ведомств и судов не разбирались в этой системе, многие руководящие посты были заняты третьесортными специалистами из западных земель, которые не только распространяли вокруг себя ощущение западной оккупации ГДР, но и по сути своей были там временщиками. «Я помню выражение “надбавка в джунглях” (“Buschzulage”) тех времен, — вспоминает Г. Шмидт. — Так западные немцы называли надбавки, которые им выплачивались за то, что они работали несколько лет в новых землях. В карьерных целях такая недолгая работа на Востоке для многих была весьма привлекательной» (с. 186).

Важно отметить, что восточные немцы были шокированы в первую очередь появившейся огромной разницей между богатыми и простыми людьми, которой раньше не было и к которой трудно было привыкнуть. Надо отдать должное Г. Шмидту: будучи весьма обеспеченным человеком, этот момент он понимает достаточно тонко: «У нас руководитель крупного банка зарабатывает сегодня в 50 раз больше бундесканцлера. Чтобы директор народного предприятия ГДР получал в 50 раз больше господина Хонеккера, и чтобы это стало достоянием общественности, — это тогда нельзя было представить» (с. 188). Ф. Стерн, думающий совершенно так же, добавляет, что один единственный инвестиционный банк (Goldman Sachs) выплачивал своим сотрудникам годовые бонусы за 2006 г. в размере 16,5 миллиардов долларов. Эту сумму можно сравнить с ВВП целых государств. Естественно, такие «достижения» капиталистической системы трудно было понять простым людям, воспитанным на социалистических ценностях «братства, равенства и светлого коммунистического будущего».

Таким образом, собеседники возвращаются от экономического к моральному аспекту и касаются самого главного изъяна немецкого объединения — отсутствия психологического единения нации. Может быть, в 1989 г. на Западе не имели четкого представления о том, насколько далеко две части Германии за сорок лет (с 1949 г.) разошлись в своих путях? «Точно знали, что была дистанция. Подозревали, что преодолеть эту дистанцию можно будет не очень быстро. Но оказалось, что мы еще только в начале пути настоящего сближения. В том, что этот процесс пошел, однако, тоже не может быть сомнения», — рассуждает Г. Шмидт с высоты своего почтенного возраста (с. 190). Молодому поколению, конечно, труднее с этим согласиться, если знать, например, что еще в прошлом году госслужащие Берлина, работая на одинаковых

ставках и имея одинаковые квалификации и дипломы западного образца, по официальным тарифам получали разную оплату труда в зависимости от того, родились они в западной или в восточной части города. Не стоит забывать и о том, что до сих пор есть много западных немцев, ни разу не бывавших восточнее реки Эльбы с момента объединения страны.

Берлинская стена пала, но осталась «стена» непонимания в сознании людей. Настоящих исследований влияния различных типов государственного строя на психику людей, живущих в разных системах, по словам психиатра и аналитика Ганса Йоахима Мааца, не проводилось до сих пор. «Конечно, есть те восточные немцы, которые имеют успехи в новой системе рыночной экономики и которые наслаждаются новым своим благосостоянием. Но есть и проигравшие от немецкого объединения, безработные, получатели социальной помощи, которые ностальгируют по доброму прошлому. “Стена в головах” сегодня проходит между теми, кто принял новую систему, и кто по-прежнему ее категорически отвергает» («Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung», 04.04.2010). Если учесть, что социализм как таковой потерпел крах, а капитализм переживает в настоящее время глубочайший кризис, то сравнительный опыт различных социально-политических систем становится тем более важным. Это шанс опомниться и возвратиться к истинным ценностям человеческого общежития, к человеческой солидарности и чувству общности.

Во внешней политике Г. Шмидт всегда придерживался принципа невмешательства в дела других суверенных государств. Он совершенно справедливо считает, что Германии не следовало участвовать в войне против Югославии: «То, что мы сделали в Косово и в Боснии-Герцеговине, шло вразрез с действующим международным правом», — говорил он в интервью «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (23.12.2008). США, по его мнению, действуют в Азии также вне рамок международного права. Ф. Стерн соглашается с ним, ведь идея построения единой нации в Ираке и установления там демократической системы западного типа, которая должна стать образцом и для других государств региона, — это политический мираж.

Как мы знаем, по итогам семилетней войны в Ираке США потеряли более 4 тыс. человек, совокупные расходы на войну превысили 1 трлн долларов, при этом позиции Соединенных Штатов в глазах мировой общественности существенно пошатнулись. Ирак же страдает от разгула терроризма, общество раскололось по этническому и конфессиональному признакам, а число жертв войны составило 200 тыс. человек. Выступая на Генеральной Ассам-

более ООН, Б. Обама признал, что США не могут более играть роль мирового жандарма.

Стоит отметить, что война в Ираке не имела соответствующего подкрепления в виде резолюции ООН, а в отношении Афганистана такой мандат существует, но это не означает, что Соединенным Штатам будет легче добиться своих целей в этой стране. Анализируя историю XX в., Г. Шмидт приходит к выводу: «Со времен Первой мировой войны произошло идеологическое изменение. До и во время Первой мировой любому солдату каждой вовлеченной в войну страны было понятно, что это интересы его отчизны, его короля, его кайзера, и он им следует. Ни один человек не имел в виду какие-то гуманитарные или человеческие миссии, тем более — распространение демократии. <...> Это появилось только в 1990-е гг., точнее — с 1992 г. <...> Но в принципе уже в войне на Корейском полуострове исключительную роль играла идеология, ведь там пытались предотвратить распространение мирового коммунизма. Сегодня такой идеологией стало создание нации» (с. 221). Особенно курьезной эта идея выглядит в Афганистане, отмечает Г. Шмидт, где на протяжении 3 тысяч лет никогда не было нации в том смысле, как ее понимают европейцы. Не стоит забывать и о том, что Запад, «озабоченный» гуманитарной ситуацией в этих странах, никогда не вмешивался в гуманитарные бедствия на постсоветском пространстве — в Чечне, Абхазии, Осетии, что лишний раз доказывает политику двойных стандартов или, может быть, особенное отношение к России. Г. Шмидт как человек с гуманитарным образованием и высокими ценностями свободы и самоопределения на вопрос, нужно ли выступать в роли даже просто советника для других государств, всегда отвечал, что «немецкому правительству не следует давать советы ни американцам, ни китайцам, ни русским. Нельзя Германии или Европе вставать в позу ментора и поучать Китай, как следует обходиться с тибетскими буддистами, а Россию — с чеченцами» (интервью журналу «Der Spiegel», 03.11.2007).

Особый интерес для российских читателей представляет та часть рецензируемой книги, где затрагивается роль России в современном мире. Отношение Г. Шмидта к увеличению веса российского государства в мировой политике вполне адекватно. В высказываниях бывшего канцлера по поводу отношений между Западом и Востоком нет привычного для западного политического сообщества европоцентризма, навязывания либеральных стандартов экономики и политики, внедрения западной модели демократии, нациестроительства и прав человека. Иными словами, современный международный порядок, по мнению Г. Шмидта, нельзя строить на пренебрежении социокультурной идентичностью стран.

В этом контексте интересны рассуждения собеседников о роли Израиля в ближневосточном конфликте. Утверждая, что новый «забор» стоит полностью не на израильской территории и противоречит международному праву, в то время как на Западном побережье и в Восточном Иерусалиме, несмотря на путь к установлению двух независимых государств, усилиями фанатичных израильских поселенческих семей сейчас уже проживают более полумиллиона евреев-израильтян, Г. Шмидт еще раз убеждает нас в своей чрезвычайной политической и исторической эрудированности, напоминая, что свое начало эта историческая драма берет в 1917 г. в декларации Бальфура, когда англичане обещали евреям собственную территорию, правда, не имея тогда в виду самостоятельное израильское государство. «И тогда не было еще ни Саудовской Аравии, ни Сирии, ни Ирака. <...> Царица полная неразбериха, и фактически они имели дело с некоторыми арабскими округами, административно входящими в Османскую империю, с правительством в Константинополе. <...> А так называемые арабские государства появились в 1919 г. в результате Парижских договоров союзников. Эти государства сначала не имели никакой легитимности, <...> и все были очень нестабильными диктатурами. <...> Это касалось и Иордании, и Сирии. Объединяющим фактором стала ненависть к Израилю» (с. 160). Ф. Стерн подмечает, что Израиль сегодня является единственным хотя бы формально демократическим государством в регионе, однако Г. Шмидт напоминает ему, что «международное право распространяется одинаково и на демократии, и на диктатуры» (с. 161).

Наряду с ближневосточным конфликтом Г. Шмидта и Ф. Стерна волнует также вопрос, каковы будут последствия экономического подъема Китая, особенно «если Китай станет новой мировой державой, не оставив свою коммунистическую идеологию и не имея демократической конституции» (с. 35). Оба собеседника утверждают, что исторически Китай никогда не проявлял империализма, и все четыре тысячелетия своего развития не стремился к мировой гегемонии, поэтому Г. Шмидт, в отличие от Ф. Стерна, которого смущает огромное количество китайских студентов, получающих первоклассное образование в США с тем, чтобы вернуться затем на родину, высоко ценит усилия самих китайцев, направленные на повышение уровня образования в своей стране. Г. Шмидт напоминает, что и в древнем Китае мандарином мог стать только человек образованный и приобретший необходимый жизненный опыт, а современная КНР, похоже, возвращается к этому идеалу конфуцианского государства. В отличие от Ф. Стерна и многих своих коллег-политиков, Г. Шмидт считает, что «сильное оппозиционное движение в Китае привело бы к большим не-

приятностям для 1,3 миллиарда китайцев» (с. 37). Если Ф. Стерна смущает, что коммунистический режим в Китае препятствует формированию там гражданского общества, то Г. Шмидт сегодня (в отличие от 1975 г., когда он впервые был в Китае) видит большую армию китайских юристов с высшим образованием и замечает: «Конечно, нельзя считать Китай сегодня правовым государством лишь потому, что у них много выпускников юридических факультетов. Пока нет. Но прошли и те времена, когда губернатор провинции давал указание на вынесение приговора о смертной казни» (с. 38).

Книга очень ценна не только этими размышлениями на актуальные темы из истории XX в. и современной политики, но и интересными воспоминаниями Г. Шмидта о своих встречах с З. Бжезинским, Жискар д'Эстеном, такими ведущими политиками XX в., как Г. Коль, Дж. Буш, Л. Брежнев. Последнему Г. Шмидт, кстати, еще при первой личной встрече в 1973 г. смог со своей точки зрения так объяснить положение простых немецких граждан в годы Второй мировой войны, что Л. Брежнев перестал в присутствии немцев называть их просто «фашистами».

Г. Шмидт предстает в этой книге человеком, свободным от политкорректного конформизма, характерного для современного немецкого политического сообщества. Так, о Збигневе Бжезинском Г. Шмидт вспоминает, как однажды чуть не выставил его из своего кабинета: «Он был тогда советником по безопасности у Джимми Картера и в этом качестве приезжал к немецкому канцлеру. Он со мной разговаривал таким дерзким, надменным и агрессивным тоном, что я не выдержал. <...> Я знал Бжезинского с 50-х годов. Мне было всегда ясно, что он крайне ненавидел русских и <...> немцев» (с. 24). Поскольку Ф. Стерн считает З. Бжезинского человеком теории, у которого совершенно отсутствует историческое мышление, собеседники рассуждают, насколько это характерно в целом для США и Европы: «Сегодняшнее поколение политиков сравнительно мало интересуется историей. По крайней мере, в Германии это так, — говорит Г. Шмидт. — Полагаю, что в Америке с этим не намного лучше». Ф. Стерн охотно с ним соглашается: «Думаю, что антиисторизм американцев заложен в их истории. Они всегда сидели за двумя морями-океанами, которые их защищали. И в этом смысле быть изоляционистом было естественно» (с. 26).

Особое внимание в беседе уделено проблеме вступления человечества в информационный век и изобретению Интернета, которое позволило США укрепить свое технологическое и идеологическое лидерство. Информационный век, по оценке Г. Шмидта и Ф. Стерна, не только привел к технологическому скачку во всех отраслях экономики, не только изменил ежедневную жизнь, быт, источник

информации всех людей в странах первого и второго мира, но и полностью преобразил политические технологии. В современный электронный век от политиков требуется способность эффективно выступать и «пиарить» себя в СМИ. «Если бы Аденауэр был канцлером в век телевидения, скажем, в 80-е годы, то его простоватые, неуклюжие манеры и плохая риторика во время его выступлений привели бы к тому, что люди бы его не слушали», — сетует Г. Шмидт (с. 116). Интернет привел также к полному отсутствию какой бы то ни было цензуры, ведь когда иранская оппозиция в конце 2009 г. использовала социальные сети во время антиправительственных выступлений, а CNN круглые сутки ведет прямые трансляции из любой точки мира, о цензуре уже говорить не приходится. Это явное достижение информационного века, которое имеет глубокие политические последствия. Вспомним, что Барак Обама первым из политиков грамотно использовал Интернет в своей предвыборной гонке и продолжает применять новейшие информационные технологии, будучи президентом: «Новые возможности будят новые силы, которые в свою очередь приводят к совсем новым успехам. <...> Мне, например, Обама регулярно присылает SMS “Dear Fritz”, и думаю, наряду со мной их получают десять миллионов других американцев», — рассказывает Ф. Стерн (с. 119). Он также приводит пример, что в эпоху Джозефа Маккарти после начала телевизионных трансляций допросов американцев, обвиненных в симпатиях к СССР и идеям коммунизма, общественное мнение в США существенно изменилось. Представляется, что Г. Шмидт с Ф. Стерном даже недооценивают коренной перелом, который совершили информационные технологии и Web 2.0, ведь они не являются «улицей с односторонним движением»: именно эти формы работы Б. Обамы со своим электоратом во время выборов уже сегодня привели к совершенно новым процессам в американском обществе — появлению мощного гражданского движения «Tea Party», которое в дальнейшем может стать настоящей политической силой в Америке. Вместе с тем собеседники правы, когда отмечают, что «благодаря» СМИ в политике все важнее становятся развлекательность и сенсация, а это приводит к абсолютной поверхностности, отсутствию анализа и глубины. С новыми IT-технологиями современное общество становится также более уязвимым, ведь «наступит день, когда это случится!» (с. 118) — какой-нибудь 15-летний хакер взламывает компьютерные системы Пентагона или, что еще хуже, террористы таким образом совершат масштабные теракты.

Обсуждая глобальный экономический кризис, который разразился в конце 2007 г., оба собеседника указывают на тесное переплетение международных финансовых рынков: «Проблема состо-

ит в том, что ныне национальных регулировок недостаточно. <...> Но я сомневаюсь, появятся ли такие регулировки, — комментирует Ф. Стерн. — Тут, мне кажется, нужна смена менталитета. <...> Надо ограничить жадность, люди должны понять, что есть другие ценности в жизни, а не только деньги. <...> Крайний индивидуализм, который мы сегодня наблюдаем, основывается и на отсутствии крепких социальных уз. Люди уже не осознают общее благо, и семья как социальная единица потеряла свое прежнее значение. <...> А если индивид живет без тесного социального окружения, то как он должен учиться солидарности?» (с. 133, 134, 138). Г. Шмидт считает, что воспитание идеалов у народа — это задача не политиков, а всего общества, в первую очередь — учителей, философов, пастырей: «Этика не является делом политиков. <...> Лучше бы они проводили грамотную налоговую и образовательную политику <...> и создавали бы условия максимального равенства в обществе. Политические лидеры, выступающие одновременно как культурные вожаки, всегда казались мне подозрительными» (с. 139). Кроме того, очень важным элементом общественной морали являются традиции, которые придают обществу стабильность. Как раз в потере к моменту окончания Второй мировой войны всех существовавших до тех пор политических и государственных устоев и традиций и состояла национальная драма для Германии и для немцев, считают участники беседы, сами прошедшие через это.

Современные социальные системы Германии и США, по мнению Г. Шмидта и Ф. Стерна, переживают глубокий кризис. Он вызван в первую очередь высоким уровнем безработицы в этих странах, а в Германии усугубляется меняющейся демографической ситуацией. Г. Шмидт как «старый социал-демократ» («alter Sozi») настаивает на том, что капиталистической с полным правом можно называть только экономику США, ведь Германия, в отличие от Соединенных Штатов, — это рыночная экономика с социальным государством, которое содержит не только государственный пенсионный фонд (обеспечивая 25% населения достойными средствами к существованию) и фонд по пособиям по безработице (3,5 млн человек), но и фонд социальной помощи (6,7 млн человек живут полностью или частично на эти пособия), 90% страховой медицины, практически все университеты и 95% всех школ в стране. Государство строит бесплатные автобаны и дороги и содержит их, как и множество культурных учреждений (театров, музеев, библиотек, оркестров, теле- и радиостанций) (с. 204).

Такое мнение в ФРГ озвучивают очень немногие политики, ведь Западная Европа в противостоянии коммунистическому блоку в годы «холодной войны» всегда делала акцент на своей рыночной, капиталистической экономике как более успешной модели

хозяйствования по сравнению с социализмом. Опыт XX в. и особенно последних кризисных лет XXI в. показывает, по мнению участников беседы, что модель чистого капитализма тоже работает чрезвычайно плохо. Г. Шмидт даже предполагает, что высокая рождаемость среди «латинос» и «чернокожих» американцев со временем заставит и США стать социальным государством, потому что эти малообеспеченные слои населения требуют для своих детей качественных государственных школ и колледжей, государственной медицинской страховки, а для себя — достойной пенсии от государства (с. 227). Это, собственно, было бы в традициях президента Теодора Рузвельта, который еще в 1937 г. в своей речи по случаю инаугурации говорил о социальном состоянии американской нации: «Я вижу одну треть нации, которая живет в плохом жилье, одевается плохо и питается плохо». «Рузвельт первым стал осознанно бороться за социальную справедливость, и Обама это сейчас тоже делает» (с. 240).

Сильное социальное государство имеют сегодня большинство континентальных западноевропейских стран, к нему стремятся и новые члены ЕС, но реальное совместное будущее Европы Г. Шмидт видит в довольно далеком будущем. Он напоминает знаменитые слова своего друга Генри Киссинджера о том, что, когда он хочет поговорить с Европой, он не знает, какой там номер телефона. «Я исхожу из того, что и к 2050 г. мы не будем иметь общеевропейскую внешнюю политику и политику по безопасности. Мне, например, кажется совсем маловероятным, чтобы Франция отдала свои ядерные арсеналы под командование европейского органа безопасности. То же самое касается англичан. И совсем невероятным является преставление о том, что Франция или Англия откажется от своего собственного посла в Москве, Бразилии или Вашингтоне», — говорит Г. Шмидт (с. 261).

Наверное, это действительно так. Можно согласиться с мнением собеседников, что страны бывшего Варшавского договора, вероятно, «надо было принимать в Европейский союз или в НАТО, но не в обе организации одновременно. <...> Европейский союз после тысячи лет европейского развития — это никем не ожидаемое чудо и прекрасное достижение. Но раздувание этого искусственного образования до невероятных размеров дает повод к озабоченности. Посмотрите Лиссабонские соглашения. Там по 72 полям деятельности нужны в обязательном порядке единогласные решения. Единогласные решения от 22 правительств и парламентов! Это безумие!» (с. 270) (напомним, что сегодня в составе ЕС уже 27 стран). Стоит отметить, что Ф. Стерн уже тогда, когда об угрозе экономического дефолта Греции и, возможно, других так называемых государств PIIGS еще никто не подозревал, упоминал о не-

равномерности политического и экономического развития таких стран, как Греция, Португалия и Испания — с одной стороны, и Франция, Германия и т.д. — с другой (все страны первой группы еще до начала 1970-х гг. имели военные диктатуры, а их экономика до сегодняшнего дня чрезвычайно слаба и не ориентирована на экспорт). Г. Шмидт критически относится к желанию Турции вступить в ЕС, ведь к концу века население этой страны превысит 100 млн человек и в Европе с ее демографическим кризисом станет самой большой нацией. Кроме того, в случае вступления Турции в ЕС львиную долю европейских трансфертов придется направить на индустриализацию этой, в общем-то, аграрной страны, и все это на фоне растущей ре-исламизации в самой Турции (с. 270).

Свою оценку развития Европейского союза Г. Шмидт завершает интересным прогнозом. Внутри ЕС в ближайшие 10—15 лет будет выкристаллизовываться ядро ведущих государств, которые станут принимать необходимые политические и экономические решения без конституции и договора. Фактически это происходит уже сейчас, как показали беспрецедентные меры по спасению Греции от дефолта и евро от девальвации в мае 2010 г.

Для выхода из международного экономического кризиса Г. Шмидт считает необходимым оздоровление банков с помощью государственных вливаний, установление глобальной системы банковского и финансового регулирования для преодоления кризиса доверия и государственное стимулирование спроса на товары и услуги, т.е. государственные меры для поддержки конъюнктуры (в том числе госзаказ). Даже опасность инфляции и государственных банкротств не может быть страшнее, чем бездействие и надежда на «самоизлечение» рынка, считает социал-демократ Г. Шмидт и при этом предостерегает от возобновления национального протекционизма, который в наш век глобализации ни к каким долгосрочным позитивным эффектам привести не может (с. 278).

Анализ основных тенденций и проблем XX в. в изложении Г. Шмидта не всегда удовлетворяет взыскательного читателя. Некоторые его объяснения грешат поверхностностью, отдельные места книги затянуты. Этого не избежать, когда в печатном виде публикуется живая беседа. С нашей точки зрения, растянуты отдельные главы, посвященные истории немецкой социал-демократии, социальному законодательству времен О. Бисмарка и возникновению рабочего движения, внутренним партийным распрям 1950-х гг. в Германии и деталям заключения Договора по нераспространению ядерного оружия. Эти главы, возможно, интересны узким специалистам, для широкого же круга читателей они слишком детализированы.

В целом, учитывая масштабный охват актуальных политических, экономических и нравственных проблем в европейской политике XX в. и оригинальность жанра непринужденной беседы людей, непосредственно вовлеченных в эти политические процессы, книгу можно считать своеобразной мемуарной работой, обогатившей политологическую литературу.

Без сомнения, лучшее, что есть в этой книге, — это ее пафос: утверждение общественно-нравственных ценностей и веры в социальный прогресс, искренне желание собеседников разобраться во всем, что принес Европе XX век. Книга не оставляет читателя равнодушным. Можно только надеяться на достойный перевод этого издания на русский язык, что откроет к нему широкий доступ российских читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шмидт Г.* Стратегия равновесия: немецкая политика мира и мировые державы. М.: Прогресс, 1971.
2. *Шмидт Г.* На благо Германии: пути выхода из кризиса. М.: Международные отношения, 1995.
3. *Schmidt H.* Eine Strategie für den Westen. Berlin, 1986.
4. *Schmidt H.* Menschen und Mächte. Berlin, 1987.
5. *Schmidt H.* Auf der Suche nach einer öffentlichen Moral: Deutschland vor dem neuen Jahrhundert. Stuttgart, 1998.
6. *Schmidt H.* Die Selbstbehauptung Europas, Perspektiven für das 21 Jahrhundert. Stuttgart; München, 2000.
7. *Schmidt H.* Die Mächte der Zukunft: Gewinner und Verlierer in der Welt von morgen. München, 2004.
8. *Schmidt H.* Auf dem Weg zur deutschen Einheit. Reinbek, 2005.
9. *Schmidt H.* Außer Dienst. München, 2008.
10. *Stern F.* Der Traum vom Frieden und die Versuchung der Macht. Deutsche Geschichte im 20 Jahrhundert. Berlin, 1987.
11. *Stern F.* Das feine Schweigen: Historische Essays. München, 1999.
12. *Stern F.* Verspielte Größe. Essays zur Deutschen Geschichte des 20 Jahrhunderts. München, 2002.
13. *Stern F.* Friedrich Griese Fünf Deutschland und ein Leben: Erinnerungen. München, 2007.
14. *Stern F.* Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008.
15. *Stern F.* Der Westen im 20 Jahrhundert: Selbstzerstörung, Wiederaufbau, Gefährdungen der Gegenwart. Göttingen, 2008.